

1/2005 147
33

Николай Денисов

ГРАНИЦА

Имперская поэма

НИКОЛАЙ ДЕНИСОВ

433

ГРАНИЦА

Имперская поэма

W

Шадринск
ПО «Исеть»
2004

ББК 84Р7-5

Д33

Денисов Н.В.

Граница. Имперская поэма. Оформление И.Н. Холомьёвой. — Шадринск: Издательство ПО “Исеть”, 2004. — 40 с.

Под редакцией автора

Российская Федерация
Тюменская область
Муниципальное автономное учреждение культуры
«Централизованная городская
библиотечная система»
ИНН 7204037003
625001, г. Тюмень, ул. Давыдовского, д. 5/3

Новая поэма Николая Денисова “Граница” — своеобразный отклик на события, последовавшие за развалом СССР и продолжающиеся в последние годы. Главы поэмы публиковались в периодической печати, в том числе в журнале “Сибирские огни”. В настоящем издании “Граница” печатается полностью.

брошюра

ISBN 5-7142-0545-6

© Н.В. Денисов, 2004

Г Р А Н И Ц А

Имперская поэма

С развалом Советского Союза административные границы между республиками превратились в государственные. На моей малой родине — на юге Тюменской земли граница с Казахстаном проходит ныне вблизи нашего огорода... Все персонажи и события в настоящей поэме — реальные и гиперболизированные автором — так или иначе связаны с отчими местами, ставшими сибирским пограничьем.

Автор

1. Утро

Над озерком касатых табунок,
Окрест приметы ветхие былого:
Шалаш рыбацкий, ржавый таганок,
Остывший круг кострища станового.

И тот же коршун — клюв наперевес —
И ястребок — перо отлито медью,
И жаворонок — собственность небес! —
Свивает трель, как в прошлое столетье.

Еще вдали быть должен мерный гул
Совхозной дойки, топот иноходца,
Стожок початый, войлочный аул
С гуртом овец и воротом колодца.

Еще камня соли-лизунца
Должны быть. И загон коровий сытный,

И строки троп в низинах солонца —
Закаменелой повести копытной.

Уместны и незлобная гроза,
Кайсак-дружка, и в шальях цвета мака
Аульских жен неспешные глаза —
Над необъятным блюдом бешбармака.

Ну и покос у роши на краю,
Наш пёс Тарзан, он в радости задорной,
И наша Зорька в утреннем раю
Неутомлённой травки приозёрной...

Но даль пуста! Иным стал отчий край,
И невозможно в прошлом воцариться.
Ведь нет его! Заброшенный сарай
Теперь рубеж, твердыня,
Госграница!

Будь начеку!
Задержат и — взашей.
И вот, считай, в пяти шагах от бани,
В родных берёзках пара “калашей”
Уперлась в грудь.
— Полегче, басурмане!

— Да ладно, батя...
Сумрачный народ.
Спросили паспорт пристально. И даже
Отказыряли. Кто их разберёт:
То ль погранцы, то ль “духи” в камуфляже?!

Наркотик шарят?..
Эвон — три версты! —
Проезжих тьма: лови, являй усилья!
Хотя и сам я, вроде наркоты,
Бревно в глазу — у властной камарильи.

Не гадство ли — порушен прежний лад!
Еще, как встарь, на кольях сохнут кринки,
Но огород наш — “заданный квадрат”,
Где между грядок — азимут тропинки.

Раскрой глаза: под Божьей синевой —
Заслоны, шмоны, экстренные меры.
Ты лишний здесь!
Всё схвачено братвой:
Иная “жись”, иные атмосферы.

И за “бугром” кайсацкий мой дружок —
Ужель и он способен на коварства?..
И лишь беспечный Петя-петушок
Поёт и будит оба государства!

2. Над Ишим-рекой

По соседству, в цветах горячих,
Скромен именов небольшим,
То кайсацкий, а то казачий,
Катит воды степной Ишим.

Неприметно несёт к закату
И к восходу юдоль свою,
На полуденных перекатах
Кружит солнечную струю.

Осторожен в лесной чащобе —
Сонме гнуса и паутов.
С серебром чебаков в утробе
Неожиданных омутов.

Пацанам-рыболовам служит,
Мужикам, что вершат зарод.
Тихий в осени, кроток в стужу,
В половодье постромки рвет.

Твёрдо знает свой ряд калашный,
Место ладное за столом.
Ублажает покосы, пашни,
Населению бьёт челом.

На челе вековые думы;
Правит службу Ишим-река:
Вот поит табуны Кучума,
Вот — дружинников Ермака.

Кто-то черпает воду шлемом,
Кто-то шапкой, и снова в путь,
Кто ладонью — совсем знакомо —
Исхитряется почерпнуть.

Время предков — деяний вольных! —
Прошумело, былём взялось,
В древних срубах, в церквах престольных
И в метафорах запеклось...

А теперь над речною кручей
Вместо зорь и былых зарниц

Торг таможенный, рынок сучий
Да коттеджи чиновных лиц.

“Эсенговье!” Не дух державы.
И торговля — хитра, мудра,
И шлагбаум с орлом двуглавым,
Вроде лезвия топора.

3. Жара

В сухой степи жаровня ада,
В колодцах пусто. Грай людской.
Дождя! Дождя живого надо,
Поливки, влаги хоть какой.

Горит пырей лесных опушек,
Спеклось кукушечье “ку-ку”,
Разверсты клювы кур-несушек,
И нет работы пауку.

Озер и неба стерты грани,
И мартины — хвосты торчком! —
Кружат над пенным стоком бани,
На свалке роются молчком.

Карасья мель ухую пахнет,
Перчи, хлебай навар густой.
И взвод контрактный тупо чахнет
Над трупом рыбки золотой.

И я влачу юдоль и муку
На той же “почве”, на мели.

С утра опять попал под руку
Пограннаряду: замели!

Сижу — вчерашний склад бригадный:
Задержан, вякнуть не могли!
Жара в Эрэфии. Наглядно
Текут и плавятся мозги.

Ракетный щит — в металлоломе,
Военный рейтинг — никакой,
Уныл Генштаб, Главкомы в коме,
Бен Ладен ходит за рекой.

И правит бал ворьё в законе;
Протесты хилы и пусты,
И нету продыха от вони,
От телевизорной туфты.

За что нам рыночные муки?
За что — Гоморра и Содом?
И мир людской вздымает руки:
Да где ж Спаситель? Ад кругом!

Кто изувечил строй природы?
Кто посягнул на Божий трон?
И дьявол — зав бюро погоды,
Кивнул на стрелочника: он!

Он с кистенём по свету рыщет,
На нём сошёлся клином свет,
Он объявил “духовной пищей”
Не образ Бога, бред газет!

Ещё не ягодки, цветочки,
Но гуще стронция в крови...
Жара и сушь. Ни капли в бочке
У громовержца, у Ильи.

Рассохлись обручи, затычки
Противоядерных структур.
А Марс готов уж чиркнуть спичкой
И запалить бикфордов шнур.

4. Узилище

Сижу, неприкаян, как прежде случалось в “ментовке”:
Внезапной решеткой — крест-накрест! — узилищный мир.
Удачи былые проносятся, словно в кошевке
Когда-то носился по красной заре бригадир.

По скошенным рёлкам, где синь и зародов орава,
Коняга игренеувый чуял ноздрею овсы,
И мгла корневищ, будто вымя, полнела отавой,
Упругие соки всходили под жало косы.

Морское припомню: глубинные трюмные вздохи
И скрип переборок... Во льдах дрейфовал сухогруз.
И что мне узилище? Сиречь примета эпохи!
И эта решетка — ну вроде бы дружеских уз.

Да шутки шучу! В либеральную ж тему не влезу,
Скорей усмехнусь — про “горячие граммы свинца”.
За стенкой кузнечик отладил пилу по железу,
Быть может, сгодится посильная помощь бойца?!

Пока я там складывал ладную сказку о доме
В раздумьях-мечтах на лиричном своем корабле,
Посевы предательства зрели в свердловском обкоме,
Кровавую жатву вершили в московском Кремле.

Кавказ подожгли, обкорнали Россию, вандалы,
Пропили моря, налепили по пьянке границ.
В целинном подбрюшьи — чреваты похмельным скандалом! —
Торчат новоделы блудливых поспешных столиц.

Попробуй верни — хоть Христову одну колокольню! —
Без стычки, без крови, без злобы в огне и дыму!
Не помню, не зрю, чтоб нам кто-то вернул добровольно:
Хоть те же Курилы иль Графскую пристань в Крыму.

С войной уже свыклись... Душа от видений огрузла:
Сквозь щели сарая — подлодки уходят ко дну,..
Контрактники пьют за какую-то жалкую Тузлу,
За Родину б надо. Полней — по всему стакану!

По “сотке” сподобились — за “сопредельные нивы”:
Мол, только решимся и сразу — “каюк кайсаку!”
Мусолят секреты, болтают о схранах хвастливо:
Такие, мол, “штуки”. Такой арсенал начеку!

Блефуют ребята. Хмельных голосов канонада.
И я был служивым. “Держитесь!” — запомнил приказ.
Мы были сильны! И Отчизна держалась, как надо,
За всех заклеянных, покуда не предали нас.

5. Контрабандистка

Не фею ночи, не бичёвку,
Не девку — шутки пошутить,
Ввели челночницу, торговку,
Контрабандистку, может быть.

Слоновья поступь, смотрит тупо.
И с макияжем — перебор.
На майке Путин, ниже пупа
Воображению простор.

Загар буддийского окраса
Бандаранайки госпожи.
Словами жжёт: “Упырь, зараза!
Забрал последние гроши!”

Знать, не впервой в казённом доме,
И знает хватку “упырей”!
Контрактный взвод сопит в истоме,
Трепещут крылышки ноздрей.

Крушить врага обучен слабо.
За Русь полечь? Не окрылён.
И взвод конкретно хочет бабу,
В таком контракте взвод силён.

“Ложись!” А баба в обороне
Убойно щурит шалый глаз:
Она в своем челночном лоне
Чужим хозяйничать не даст!

А взвод упорен: “Ути! Ути!”,
И лапы, лапы — сверху вниз!
И тут успел сработать Путин,
Ну тот, на майке, дзюдоист.

Мгновенье: треск костей и грохот!
(Ну на войне, как на войне!) —
В отрубе двое, третий охал,
Четвертый выл на топчане.

А пятый дёру дал и ходу,
Вопя: “У бабы — анаша!”,
Шестой с высоты гроб-комода
Давил гашетку “калаша”.

И снова — ОН. А как иначе!
Повторный выпад. И легко
Отвел ногой он ствол горячий,
Направив пули в “молоко”.

Ну чем не Стенька! Чем не Разин!
Защитник слабых. Богом дан!
И я, в наручниках, в экстазе
Возликовал: “Мочи, Вован!”.

Он посмотрел, как на проказу,
Точнее, как на дурака.
И вновь на майке пустоглазо
Затих у правого соска.

А ближе к левому, как в ступе,
На странный нынешний манер,

Толклись — орел двуглавый вкупе
С гербом страны СССР.

И где-то пушки били кучно,
И век не ангелом кружил...
И взвод, рассеянный поштучно,
Восстал, взорлил. И суд вершил.

Меня-то выпустят, быть может,
А бабу? С бабою — беда.
Слинял защитник. С майки тоже.
Зачем же дёргался тогда?

Я понимаю: гонор, фронда!
Подняли малого на шит.
А я вот, старый член Литфонда,
Попал, как долбаный, в ошип.

В родных берёзках душу грея,
Опять зафлаженный, как волк,
Попёр на ствол: “С кем честь имею...”
А мне “браслетиками” — щёлк.

Еще с издёвкой: “Ручки, ручки!..”
Ну не сдержался, понесло:
“Да мы тут сроду рвали пучки,
А вас тут как-то не росло!”

А нет бы мирно, терпеливо
Подставить выю, промолчать,
Держать в кармане паспорт-ксиву,
Коль вновь взбрело рассвет встречать...

Да кто ты — с чувствами, с любовью,
С наивством, трепетом, как встарь, —
Над всем жандармством, над торговлей,
Над свинством гоголевских харь?!

Эфир, рассвет, цветов услада...
Пора уж внять, что ты, милоч, —
Электорат, продукт распада,
Не ворошиловский стрелок.

И как тебе втемяшить, Коля,
Учить науке, зубы сжав:
Не шастай зря и в отчем поле,
Не провоцируй глав держав.

6. Новое оружие

В сторонке от чертополохов
Свободой тешусь, пучки рву.
Но не до лирики и вздохов
В сей час в штабах, в системе ГРУ.

Еще намедни тайный “абель”,
Торчавший пугалом во ржи,
Засёк орду в пять тысяч сабель
У петропавловской межи:

“Пока не в седлах, на привале,
Пассионарии, не сброд!”
Но космонавты передали:
“Возможно, — беженцы... Исход!”

И вот, спеша к степной округе
На всяких “джипах”, жар-горя,
Чинов наехало, обслуги,
На месте тактику творя.

Едва московский ум великий
Разбросил карты на сукне,
Пошли валеты — “черви”, “пики”,
Бубновый выпал: “Быть войне!”

“Война?!” — запрос послали в НАТО,
Подали в прессу “новостя”...
А взвод кипел: “Умрём, ребята!..” —
Стальными фиксами блестя.

Когда сапёры вскрыли схроны,
Залезли щупом в материк,
Возник министр обороны,
Он молвил: “Да! Аллах велик!”

Служить при штатском командире,
Известно, честь не высока.
Облом и тут: как всюду в мире,
Надули Ваню-русака.

Пока держались “дружбы” знаки,
Пока гремела Целина,
Хитро “сработали” кайсаки,
От арсенала — ржавь одна.

Детально: штык четырехгранный,
Подсумок, бляха от ремня,
Станок “максима”, тазик банный,
Мочалка — типа кистеня.

Жестянка злого самосада,
Былой жилетки рукава.
Да трехлинейка без приклада
Калибра — 7.62.

Ну хоть бы, эх! — пяток винтовок,
Ведь дело тонкое — восток!..
На что министр наш, филолог,
“Не в силе, в правде Бог!” — изрёк.

“Что мы слабы, — заметил, — бредни!” —
И, будто скатерть иль парик,
Со “штуки” — сделана намедни! —
Снял полог, ленточку расстриг.

(Замечу, “штуку” в тайне строгой
От всех разведок, как могли,
В оглобли впрягшись, спец-дорогой
Два “Беларуса” волокли).

Достойна!
С белыми дверями,
С посеребренными краями,
Сиденье — злато напоказ! —
Из Центробанковских подвалов,
А блеск — старанье трех амбалов
Германской фирмы “Унитаз”.

“Наш “Унитаз” имеет сходство
С простым... Но есть и превосходство:
Наш и могуч, и видит даль!
Почти что лазерный в итоге!
Его сам Шрёдер, канцлер строгий,
Благословлял, нажав педаль.

Для битвы пламенной годится,
Приспичит, можно облегчиться
И побазарить, как в кафе.
Убойным золотом сверкая,
Напомнить скопищам Китая
Про интеграции в РФ...”

Контрактный взвод запомнил фразу:
“Аллюр, ребята! Три креста!”

А ночью Штирлиц узкоглазый
Пометил узкие места.
И на заре, не зная страху,
В глуши сараев и плетней,
Шепча одно — “Акбар Аллаху!”,
Запряг он в “штуку” зверь-коней.
Охране — раз-другой по “фазе”.
Возжа — к возже. Родные, ну-у!
Еще никто на унитазе
Не ездил в город Астану!

Но — при наезднике умелом! —
Сортирный дух разил с прицелом:
До Байконура — всё мертво!
То небеса в лепешку плюща,

Разя летящих и ползуших,
Подстать хохляцким ПВО!

Хлестал в напоре перспективном
По всяким сусликам наивным,
На запах сунувшимся зря.
Лишь лайнер с Ближнего Востока
Тянул, петляя, как сорока,
В кайсацком небе фраеря.

И вот при Ф-1 (гранатах)
Встречают визири в халатах,
Охранный полк — в зубах ножи!
Встал “Унитаз” вблизи фонтана,
Затмив палаты Нурсултана
И — там, вдали — Туркмен-баши.

По чайханам точились ляды,
Строчил Указы Госсовет,
И семь старух жевали мясо
На представительский банкет.

Три дня кумыс по юртам пили,
Крепили зрение и слух.
Потом трофей скребли и мыли,
Чтоб не витал неверных дух.

Перенацелили бесшумно
В закрытой лесополосе,
Потом собрали самых умных,
Открыли курсы в медресе.

На зуб, на ощупь пробы брали
Из спецконторы сыскари,
Всю технологию слизали,
Всё содержание внутри.

Потом при свите, в лучшем виде,
В Москву, как в оны дни в ЦК,
Поехал сам кайсацкий лидер
С визитом дружбы на века!

7. Боевые мощи

И опять живой момент
Крупного значенья:
Приграничный контингент
Двинул в ополченье.

Что поделать, паритет
Внаглую нарушен,
Да и генералитет
Взятками контужен.

Да и наш кайсак-дружка
Нынче вроде бая.
Отовсюду русака
Гонит власть кривая.

Словом, “ихний” президент,
Как шайтан, зарвался.
“Хватит!” — рывкнул контингент,
И в поход собрался.

Ну, в подпитии слегка,
Но напитан щами.
Контингент решил врага
Сокрушить мощами.

Мощи где? Никто не “знат”,
Даже двоедане:
“Иль в Румынии лежат,
Иль в ишимской бане?!”

Как всегда, нашелся “спец”,
Произнес тираду:
“Для мощей нужен ларец,
Как жерло снаряду!”

Обсудив вопрос с ларцом,
Уточнили ГОСТы,
Златошвею с кузнецом
Привели с погоста.

И кузнец легко сковал,
Закалил поковку,
Подсобрал утиль-металл
И явил сноровку.

Златошвея щурит глаз,
Больше жмёт на чувства:
“Жемчуг нужен и алмаз,
Чтоб достичь искусства!”

Обуял старушку “стих”,
Спасу нет, канючит,

А в резерве нет таких
Благородных штучек.

Ополченцы, видит Бог,
Потускнели разом.
И хваленый не помог
Коллективный разум.

Погодился депутат
Радикальной школы:
“Был сверкающий оклад
У Св. Николы!”

Побежали к попадье,
К ручке припадают:
Мол, порой и кое-где
Паствы голодают!

Поп стоит — в глазах нули,
Молвит: “Воля Божья!
По сусекам подмели,
Заскребем остожья”.

Протодьякон удручен,
Ангелы на взводе:
“Нас еще зачистил ЧОН
В двадцать первом годе!”

Пресеклась стальная рать
И — спиною к храму.
Обращаться надо, знать,
К олигарху прямо.

Он, конечно, паразит,
Но умён, кто знает, —
Сиднем в Лондоне сидит,
Баксов не считает...

Олигарх поклону внял,
Поиграл на флейте,
Из “лопатника” достал
Миллион: “Владейте!”

В общем, принял мужиков,
Сдвинули стаканы!
И в сенях им жемчугов
Насовал в карманы.

Столь и за год не пропить
Даже мощной рати!..

Златошвея вдела нить
И в семь сорок — нате!

Всё чин-чином: блеск ларца,
Мощи — любо-мило!
Наградили и “спеца”
Золотым кадиллом.

“Ну! — вздохнул народ-мудрец, —
Значит, будем живы!”

Тут вскричи стервец-малец:
“Мощи-то фальшивы!”

“Вот!” — икнул контрактный взвод,
Вновь жида продали!”

Как еврейский анекдот,
Звякнули медали.

Дали “сникерс” пацану
Ушлые стратеги
И — зомбировать войну
Сели в тень телеги.

Завертели карусель
В небе и на суше,
То ООН, а то Брюссель
Ставили на уши.

Хоть в Гвинею, хоть в Непал
Предлагались визы.
Назарбаев слал и слал
Бурдюки с кумысом.

Пили через “не могу”,
Утирались жарко.
Извели назло врагу
Всю гуманитарку.

Разложили новый флаг
На порожней фляге,
Повертели так и сяк
Рюшечки* на флаге.

“Нет, — сказали, — хрен кладём
На войну...с прибором.
И под красным не пойдём,
И под триколором!

* Имеется ввиду проект армейского знамени.

И зачем? — балдели все
Боевые рожи, —
При таком-то кумысе
И жратве хорошей...”

8. Джаман*

И пока контрактники от войны “косили”
И дрожали суслики у голодных нор,
Не сыскалось витязя во Всея России —
Защитить Синицынский приграничный бор.

Двинули ефрейтора с “калашом” в придачу,
Тот спознался с девками на горе Любви.
На верху любовный пыл, а внизу кайсачий.
Ой, джаман! Что детсяя?! Со-ло-вьи?!

Птахи долго думали — не оперативно:
Скрытое вредительство? Иль — живой обман?
Тут бы танки Ельцина. И — кумулятивным!
Гексогеном путинским! Но опять — джаман.

Где ж Ермак — надёжа наш, атаман казачий?
Питерские выдали и — секир-башка?
Демократы в панике, патриоты в плаче:
Не нашли — на выручку! — Горбунка-конька.

Самого Иванушку в три воды кидали,
Совращали деньгами и металлом жгли —
Ни медаль “За мужество”, ни кафтан к медали
Боевого рвеня не произвели.

* Джаман — (казахск.) — плохо.

Той порой в Кайсакии натерпелись страху:
Не в ту степь нацеленный, лопнул “Унитаз” —
То ль батыр-наводчики были под турахом,
То ль сержант “штуковины” сильно узкоглаз?

И напрасно тужился малахай режима:
Бешбармаки съедены, сношена парча.
Вот уж янки наглые на берегах Ишима
Тискают кайсацких жен, го-го-ча.

Тарбаганом мечется кипиш “эсенговский”:
От объятий-форумов — до резни в Чечне.
Ой, джаман, начальники! — шелестят берёзки
Во бору Синицынском — русской стороне.

9. Сон иль явь?

Погружаемся в хаос. Корячится мрак,
Ледяное дыханье, дубина и шкура.
Нет, Земля не кругла, будто круглый дурак,
Не сумела сподобиться — плоская дура.

Мир конечен. Спеша, возжигают запал:
Фарисейство и тупость, позор и измена,
Будто чёрт-дальнобойщик “Камаз” оседлал,
И кипит растаможенный груз гексогена.

Уготован Антихристу лакомый кус.
Где-то в адовых топках готовится тризна.
А из пажитей неба глядит Иисус
И не ангельский голос — звучит укоризна:

“Недостойные! Божий забыли завет...
Снова склоки, разбой, по судам зубоскалы.
Для того ль я хранил вас две тысячи лет,
Чтоб вернулись в Мой Храм торгаши и менялы?

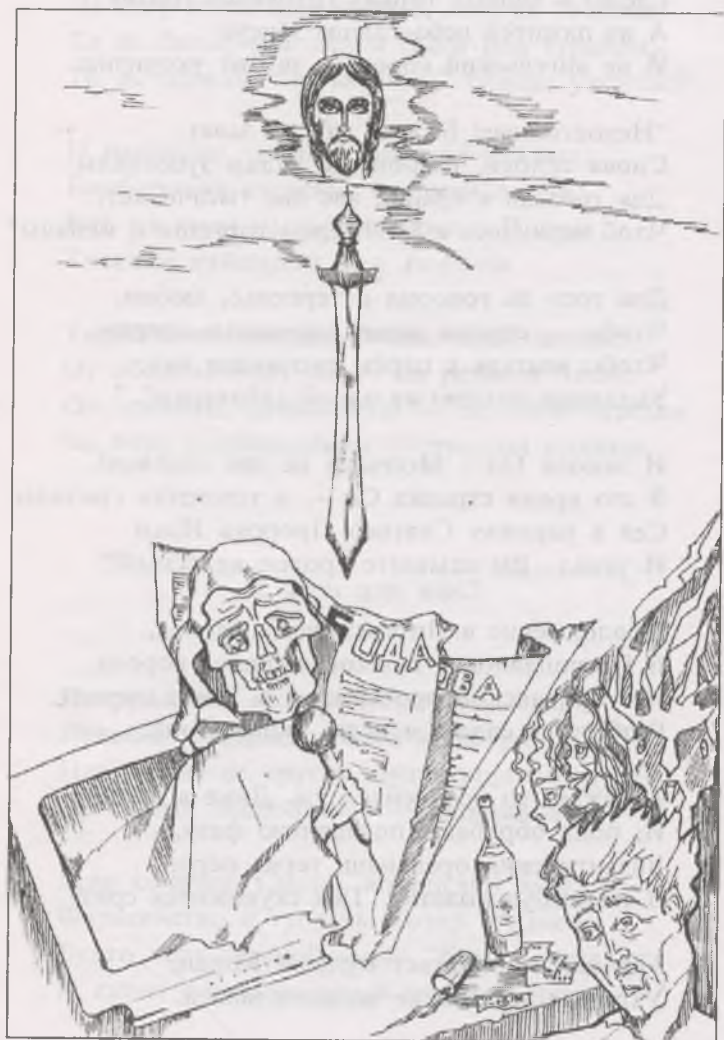
Для того ль говорил о терпенье, любви,
Чтобы — стража везде, вороватые клерки,
Чтобы мытарь с царём распивали чай,
Услаждая ноздрю из одной табакерки?..”

И замолк Он... Молчали не зря соловьи!
В это время страдал Он — в томлении грозном.
Сел в упряжку Святого Пророка Ильи
И уехал...Вы слышите грохот колёсный?!

Продолжение в Питере: снег, гололёд,
В Петропавловке пушкой каркнет ворона.
Лев британский проснется и в Темзу нырнет,
Разбегутся слоны и ослы Вашингтона.

А бежать-то позднечко уж. Даже в метро.
И, пока обрубают последнюю фазу,
Византийский орёл наш, теряя перо,
В Истамбул полетит. Там скукожится сразу.

Там еще поработает мудрый Коран,
Укрощая вселенские челюсти вьюги.

Без знамён и охраны примчит Нурсултан —
Одиноким кайсаком. Но тщетны потуги!

Да и нас остановит небесный конвой!
Сон иль явь? Двадцать первого века начало.
Впрочем, это прикидка, проект черновой,
Перспектива. И небом озвучено мало.

10. Атаман

Вдали от нищих духом и калек,
Как и в балладе горестной поэта,
Он всё ж возник — достойный человек,
В чреде картин нестроного сюжета.

Цвёл сорняком непаханный увал,
Тащила сонным берегом подвода.
И сонмы стрел щетинил краснотал,
Как в те года сибирского похода.

И мы сошлись, спроворили бивак
У таганка — в тени речных боярок:
Чалдонский сын и он — живой Ермак,
Я ликовал — не царский ли подарок?

Он говорил: за память — исполать!
Но знать не хочет нашего позора.
Булатный меч держал за рукоять,
В зеленом гневѣ вспыхивая взором.

И воспарял, исполнен грозных сил,
И, наконец, как песню завершая,

Клич атаманский даль степи пронзил,
В державных битвах павших воскрешая:

“Крещёные-е! В полуденном краю
Нас ждет опять неторная дорога!
Эй, казаки! Есть кто-нибудь в строю?”
И с кручи докатилось:
— Есть немного-о...

“Похвально, други! Голос не холопа.
И значит, скоро высверкнут клинки,
И в русский Верный взмыленным галопом
Мы понесём на пиках бунчуки!

На Павлодар! В казачий наш приют.
На Кокчетав! В ковыльные станицы,
Где звонко так кузнечики куют
И наряжают в золото зарницы!

Просторна Русь, а лишних нет земель!
И юг сибирский — русские твердыни.
А там уж, та-а-м! — кайсачья колыбель,
Самум-ветра и воинство полыни.

Продажный век. На тронах упыри.
Но спросим мы — безжалостно и кратко!..”
А с кручи снова:
— Любо! Говори!
Такой расклад — что чарка перед схваткой!

“Как на пиру непрошенных гостей,
Мы и московских псов повяжем сразу.

Страну ментов, налоговой полиции,
Страну воров и телеинквизиции
Объяла жуть... И вот — водоворот
Кружит гробы заплечных реформаторов,
Шутов, шутих и обер-комментаторов —
Возле моста затор, как в ледоход.

Гробовый хруст. Сапёры. Взрывы тяжкие.
Какой-то дед нацелился монтажкой
Добыть добротный пиломатерьял:
Смольё и дуб от капитализации —
С клеймом Кремля, с прищепкой думской фракции,
Где гробовой насельник воспарял.

Прут домовины штатовских поборников,
Лоббистов бед, дефолтов, “черных вторников”,
Зинданов, в кои загнана страна.
Есть и у нас одно местечко гадкое,
Где сих клиентов — с перхотью, с прокладками,
Чуть поперчив, глотает сатана.

И всё путём!.. Конечно, сила тёмная —
Укором мне. “Вставай, страна огромная!” —
Орал. Не встала. “Амба и капут!” —
Топили флот наш флаги полосатые.
В Кремле глумились Хануки пейсатые...
Но как отратно: жмурики плывут.

И степь воспряла. У-ух! Как облигации,
В ишимском небе реет авиация:
Остатки “рус-фанеры”. Летуны —
Из ПТУ, не сталинские соколы,

Но вьют стрижами в облаке и около:
Забывтый опыт, азбука войны!

Рубеж, граница — место не для шалости.
Степи бердюжской восемь вёрст досталось и
Из укреплений — два иль три пенька,
С десятков бань: в штабах, как доты, значатся;
Пяток портков с лампасами — казачество:
Последние потомки Ермака.

Еще спираль-бруно, стена форпостная:
Заставы твердь в погранселе Зарослое.
Синь Сиверги — добавочный форпост:
Пустынный берег, сумрачная ляжина.
И погранцов наряд закамуфляженный,
Упёртый рогом в бывший сенокос.

Старлей-начальник цедит информацию.
А дальний штаб “чуть жив” в мобильной рации:
Штабной полковник... Хрипы... Тишина.
И снова “эсенговщина”... Нелепости...
Зато старлей подобен Брестской крепости!
Но молод он. Не помнит “времена”.

А было так: в лугах — аврал! И хлебная
Страда ярилась. Рапорты победные
Текли от здешних ферм. От фонарей
Ночных токов, сушилок, элеваторов —
В райком, в обком — по строгому фарватеру
Ведущих к “целям” партсекретарей.

“Где стол был яств...”, порушено, повыжжено,
Скелеты ферм смердят навозной жижею.
И, как реликт, непьяный тракторист.
Фашизм пырея, глум чертополоховый
Да сопредельный, с торбой, шут гороховый,
По протоколу — “злой контрабандист”.

Давай, старлей, окинем даль закатную
Из-под руки! В бинокли восьмикратные:
Ишим-река... Таможня... Пыль веков...
Смотри, старлей! Не Чичикова рожа ли?
Шкурят хмырь проезжего-прохожего,
И рядом фарт: кильватер мертвяков!

Гробы банкиров, сытые банкнотами,
В одном рука торчит с протестной нотою,
Другой — семейный, с креном на корму.
Пошло безгробье — тоже отбазарили! —
Орлы Кавказа, хитники Хазарии.
Челночных баб вот жалко. Ни к чему...

12. Видения в русском поле

Хорошо потрянули гадов,
Чище облик бытия.
А теперь бы мне, ребята,
В ту страну, где боль моя.

Не травлѐным “кока-колой”
Либеральным мудрецом,
Не Угодником Николой,
А поборником, бойцом.

Пусть не стал бы именитым
На октябрьских площадях,
Вновь ругал бы дефициты,
Дозревал в очередях.

Обмывал бы эти “муки”
В “Метрополе”, будто гранд.
Пусть потом крутил бы руки
В вытрезвителе сержант.

Пусть он злей бы янычара,
Надо мной торжествовал,
Только б Ельцину на нарах
Уголок презентовал.

И никто б с бесовским знаком
Не царил в Кремле, в верхах.
Мишка Меченый бы вякал
Где-нибудь в Ессентуках.

Пусть бы вновь цензурой гнули,
В кухне ставили “жучка”.
Пусть бы в партию тянули,
Как к ветфельдшеру бычка.

Пусть... И вывездились снова
Блёстки росные в траве.
Вижу двор наш, Окунёво,
Площадь Красную в Москве.

Щекотнуло нервным громом,
Пригасило летний зной,

Рябь пошла по водоёмам,
А затем и — тряс земной.

Тряс земной! Глубины стонут,
Повсеместно — сдвиг пород.
Больше Сталина не тронут
Демократы. Вождь встаёт.

Просочился ус из глины,
Золотеет вязь погон.
Вот сейчас “герцеговиной”
Пыхнет трубка, скажет он:

“Олигархам сдать монатки
И — на плаху, колесо!
Дзюдоистов — на лопатки
И в наручниках в СИЗО!

Братанам — клеймо и бирка,
Реформаторам — зиндан,
Горби с Ельциным — Бутырка,
“Прочим шведам” — Магадан.

Хрущ успел залечь в некрополь
И лежит под русский мат,
Бросив славный Севастополь
РУХу, будто сала шмат.

Шебаршил, как арматура,
Угрожал течению рек,
А твердыню Порт-Артура,
Будто высморкнул, “стратег”.

Семь столетий Русь держалась!
Что же нынче? Жалкий вид.
Стало быть, Лаврентий Палыч
Разберётся — кто вредит?

Кто воюет по сортирам?
Кто украл тепло и свет?
Кто в Чечне закончить миром
Не способен, воли нет?!

Почему над Псковом, Ригой, —
А на завтра что — Москва? —
Вместо наших грозных “МИГов”
Вражьи — Б-52 ?...”

То не гром ударил в поле,
То не огонь покрыл страну, —
Это он спросил: “Доколе
Будем в дьявольском плену?”

Глаз колюч. А голос ровный.
В локте согнута рука.
Жуков молча встал. Верховный
Добыл спичкой огонька.

Пыхнул трубкою знакомо,
Помолчал. О чем, Бог весть?
Просветлели лбы наркомов:
“У страны хозяин есть!”

Вот и всё! На рифме важной
Обсушил рассвет траву.

Сон иль явь? Вопрос не зряшный,
Не простой, по существу.

Не ответят: скрип тележный,
Не — вдали — Ишим-река,
Не гротеск, не ямб прилежный,
Не туманец озера.

Не имперские глаголы,
Не эпитет роковой,
Не жаргон на грани фола
Горькой строчки болевой.

13. Эпилог

С восходом, с зарёй заалела и кровля амбара.
Как прежде, на пристань иду меж картофельных гряд.
Внезапной подлодкой всплывает на Долгом гагара.
Гусыня соседская гагает на гусенят.

Порыв ветровой. Заходил дуролом камышиный.
Напуганно вскрикнул мартын над рыбацким садком.
Незрелый народ пролетел в иностранной машине
Меж Долгим — Головкой. И вот уж пылят большаком.

“На грязи”, конечно. Теперь толчая на Солёном.
Чуть что, наезжают. И по боку всех докторов.
Живи бы отец, он бы выплыл на лодке смолёной
Да вместе с Тарзаном. И тот бы глотал комаров.

Кот Васька бы ждал на мостках в эйфории голодной,
Как выберут сети, меж дел посудив обо всём,
Чтоб после прошествовать узкой тропой огородной:
Тарзан и отец, и кот Васька в зубах с карасём!

И я после смены сиял бы в разводах мазута,
Скворчала б жарёха, дымилась с укропом уха.
А мама и с Зорькой сумела б управиться круто,
Пока за калиткой не выстрелит кнут пастуха.

Потом уж и спать, занавесив простор заоконный,
Где мать и отец сенокосят в медах визилей.
И в снах-полуснах над виденьями “Тихого Дона”,
И после мечтать о желанной Аксинье своей...

Пустое теперь уж... Сложнее забыться и выпить,
Поплакаться небу — обложен позором границ...
Осталось на Долгом под долгое уханье выпи
Смотреть на домашних, давно нелетающих птиц.

Но хоть бы разочек, процесс, как всегда, “переходный”,
Увидеть далёких, взгрустнуть о заветном своём,
Как шествуют дружно — гуськом по тропе огородной:
Отец и Тарзан. И кот Васька в зубах с карасём...

*Июнь—август 2003:
январь—февраль 2004 гг.*

Библиотека газеты
“Тюмень литературная”

НОВАЯ ЦЕНА

15

руб

— коп

Денисов Николай Васильевич

Г Р А Н И Ц А

Имперская поэма

Художественное оформление И.Н. Холомьёвой
Корректор В.П. Бумагина

Лицензия ЛР № 010124 от 23.12. 1996 г.

Сдано в набор 20.05.2004. Подписано в печать 10.06.2004. Формат 60x84^{1/16}. Гарнитура «Таймс». Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 2,33. Уч.-изд. л. 2,1. Тираж 250 экз. Заказ № 794.

Издательство ПО “Исеть”, 641870, г. Шадринск, ул. Спартака, 6.

Отпечатано в ОГУП “Шадринский Дом Печати” комитета по печати и средствам массовой информации Курганской обл., 641870, г. Шадринск, ул. Спартака, 6, телефон 6-33-51.

Николай Васильевич ДЕНИСОВ родом из села Окунево Бердюжского района Тюменской области. Учился в Литературном институте им. А. М. Горького в Москве. Член Союза писателей СССР и России. Автор двадцати книг стихотворений, прозы, публицистики.

Трудовой путь начинал с профессии сельского механизатора. Служил в ВМФ. Ходил на торговых судах дальнего плавания по морям и океанам планеты. Побывал во многих странах мира.

Работал также корреспондентом в газетах, директором Бюро пропаганды художественной литературы. Лауреат нескольких литературных премий, в том числе Всероссийской им. Д. Н. Мамина-Сибиряка. В настоящее время главный редактор газеты "Тюмень литературная". Живет в г. Тюмени.